

Вплоть до самого возвращения домой Ли Сяньфу хранил молчание.

Ли Сичунь:

— Не забудь принести картину, я посмотрю.

Из-за всей этой суеты Ли Сяньфу чуть было не забыл о главной цели их поездки в санаторий.

Картина была всего одна, и Ли Сичунь с профессиональной точки зрения одобрил ее.

Ли Сяньфу:

— И сколько за нее можно получить?

— Не будь у тебя недавней награды, цена была бы максимум пятизначной. А теперь — шестизначная.

Мир искусства удивителен: напишешь слишком реалистично — скажут, что нет души; сделаешь слишком абстрактно — обыватели заявят, что и сами так могут. На самом же деле, по мнению Ли Сичуня, истинная ценность этого полотна ничуть не уступала шедеврам за миллионы.

Ли Сяньфу ничуть не расстроился из-за того, что цена его работы оказалась скромнее ожидаемой. Немного поколебавшись, он упомянул о том, что брат заинтересовался Сян То из-за сборника стихов:

— Кто еще знает, что тебе нравится этот писатель?

— Аньцин, Гао Сюнь... — Ли Сичунь надолго задумался, но так и не смог вспомнить кого-то третьего. В конце концов он произнес: — Пожалуй, только они двое.

В глазах Ли Сяньфу промелькнул живой интерес, и он вдруг упомянул Цинь Цзяюй:

— Ты ведь говорил, что вы с ней всегда находите общие темы?

Ли Сичунь опешил, но затем ответил:

— Я тоже об этом думал, но поездка в Яочуань была спонтанным решением.

Ли Сяньфу задумался:

— Возможно, именно из-за спешки они задействовали человека, чье поведение полно несостыковок.

Похоже, изначально план был проработан куда тщательнее, но из-за того, что Ли Сичунь внезапно сорвался в город Яочуань, им пришлось спешно сменить исполнителя.

Ли Сичунь внезапно спросил:

— Значит, ты теперь уверен, что Цинь Цзяюй жива?

Уклонившись от его взгляда, Ли Сяньфу не дал прямого ответа.

Ли Сичунь прибавил температуру на кондиционере и, не желая копать глубже, сказал:

— Ладно, иди сначала прими душ. Ты весь вспотел, под кондиционером легко простудиться.

Когда он уже собрался уходить, Ли Сянфу не выдержал и спросил:

— Почему ты больше ничего не спрашиваешь?

— У каждого свои секреты, — Ли Сичунь слегка повернул голову. — Ты вот знаешь, чем занимается твой второй брат?

Ли Аньцин вечно появлялся и исчезал как призрак. Раньше у Ли Сянфу и своих забот хватало, так что ему было не до брата.

— И чем же? — любопытствовал Ли Сянфу.

Ли Сичунь:

— Я и сам не знаю.

— ...

— Отец, похоже, тоже не в курсе. Он только спросил, не связано ли это с криминалом или серыми схемами, и когда Аньцин заверила, что нет, больше не лез.

— ...

— А еще я до сих пор не уверен, расписались ли вообще отец с твоей матерью. Слышал, к моменту твоего рождения они все еще спорили, какую долю акций ей передать.

Ли Сянфу окончательно лишился дара речи.

Ли Сичунь похлопал его по плечу:

— Не стоит смотреть на мир слишком уж трезво, молодой человек. Бери пример со своей матери — будь иногда практичнее.

Он чувствовал, что тот, вернувшись из-за границы, изменился не только внешне, но и внутренне — стал слишком проницательным.

После физической нагрузки от малейшего сквозняка пробирал озноб. Включая душ, Ли Сянфу продолжал размышлять о внезапном появлении Сян То, гадая, не связано ли это с тем самым «подарком при встрече», о котором писала на открытке Цинь Цзяюй.

Выйдя из душа, он заметил, что за это время Ли Сичунь снова прихорошился, и тут же насторожился:

— Брат, неужели у тебя на пороге пятая весна?

У Ли Сичуня дернулся уголок рта:

— Скоро приедет Бянь Шицинь, — он сделал паузу и приподнял бровь. — Похоже, к тебе.

Приезду любимой дочери семьи Бянь старик Ли безумно обрадовался, решив, что дело идет на лад. Боясь смутить молодых, он специально заперся в кабинете. Но через полчаса не выдержал, тихонько вышел на лестницу и вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит

внизу.

Внизу Ли Сяньфу, зажав в зубах карандаш, наматывал на руку нитку. Наметив узор, он обвел карандашом одну из деталей на эскизе:

— Вот здесь можно добавить небольшой рисунок.

Бянь Шицинь слушала его очень внимательно, не отрывая взгляда от бумаги.

Старик Ли:

— ...

Увидев, что из этой затеи ничего не вышло, старик Ли дождался, пока Бянь Шицинь уйдет, и подозвал Ли Сичуня:

— Это и есть то, что сейчас модно у молодежи? Как это называют... парень-подружка?

— Вряд ли, — объективно оценил Ли Сичунь. — Скорее просто приятели.

Старик Ли не унимался:

— Но я же видел на банкете в честь дня рождения, что вокруг Сяньфу крутилось полно девушек...

Ли Сичунь перебил его:

— Разве они крутились вокруг него? Их интересовали только его золотые руки.

Поняв, что здесь ловить нечего, старик Ли начал обзванивать старых друзей, приглашая их в гости вместе с младшим поколением.

Ли Сичунь:

— И они согласятся?

Честно говоря, репутация у Ли Сяньфу в их кругу была не самой лучшей.

Старик Ли махнул рукой:

— Мои старые друзья по буддийскому храму теперь совсем другого мнения о нем.

Прекрасно готовит, усердно читает сутры — такого зятя днем с огнем не сыщешь.

— ...

Пока кто-то вовсю подыскивал ему партию, Ли Сяньфу, ничего не подозревая, открыл дверцу шкафа. В этот момент телефон в его руке завибрировал.

[— Раз ты решил нарушить ритм, давай играть не спеша.]

Настроение испортилось, и вместо обычного напитка он взял две бутылки спиртного.

Сделав глоток, он нахмурился еще сильнее — вкус оказался не слишком чистым.

До конца каникул оставалось всего два дня. Ли Шаша как раз собирался попросить продлить ему отгул в школе, но, едва войдя в комнату, почувствовал запах алкоголя.

Когда-то Ли Сянфу любил творить с чаркой вина в руке — тогда в этом чувствовался дух бунтарства и свободы. Но теперь, когда изящный кувшин сменился жестяными банками, зрелище выглядело странно. Сейчас он рисовал абстрактную картину, но в итоге бросил вполне сносный набросок в сторону, словно мусор.

Ли Шаша подобрал лист и выдал оценку заправского критика:

— Не хватает чувств.

Ли Сянфу не стал отпираться:

— Нет живой натуры, к тому же мне лучше даются быстрые портреты.

Долгое пребывание в тисках ограничений все-таки притупило его воображение.

Ли Шаша, по привычке говорить прямо, бросил:

— Ну так и рисуй то, что умеешь лучше всего.

Договорив, он развернулся и вышел, решив отложить разговор об отгуле до тех пор, пока отец не протрезвеет. В комнате стоял стойкий запах перегара, поэтому, уходя, он приоткрыл дверь пошире.

Ли Сянфу открыл еще одну банку и почему-то подумал о Цинь Цзине.

Его боязнь обнаженного тела благодаря Цинь Цзиню прошла наполовину, а безумная выходка Чжоу Паньбай окончательно излечила остальное. Интересно, не началось ли сейчас обострение?

Как назло, именно в этот момент зазвонил телефон — это был Цинь Цзинь. Ли Сянфу принял вызов и просто выдохнул:

— Алло.

Мягкий голос прозвучал куда более расслабленно и хрипло, чем обычно, и на том конце сразу сделали вывод:

— Простудился или пьян?

Ли Сянфу:

— Второе.

Немного подумав, он уточнил:

— Я не пьян. Просто стал чуточку смелее, самую малость развязнее и теперь не слишком слежу за языком.

— ...

Услышав эти откровения, Цинь Цзинь едва не забыл, зачем звонил. Понимая, что сейчас не

лучший момент для дел, он сухо бросил: «Продолжай» — и уже собирался нажать отбой.

— Погоди, — остановил его Ли Сяньфу, храбрость в котором подогрел алкоголь. — Друг, побудь еще раз моей моделью.

— ...Ты каждый раз, когда выпиваешь, обязательно устраиваешь что-нибудь эдакое?

В прошлый раз в Древней деревне Тяньси, если ему не изменяла память, тот засыпал руки преступника стеклянной крошкой.

— На этот раз я дома, здесь безопасно, да и тебе ничего не грозит, — заверил Ли Сяньфу. — Обещаю, обойдемся без кровопролития.

И, боясь, что этого аргумента мало, щедро добавил:

— Я могу заплатить.

Цинь Цзинь усмехнулся:

— И сколько?

— Четырнадцать тысяч, — с языка Ли Сяньфу сорвалась случайная цифра. — Сколько бы там ни давала сестра Хуа, я заплачу вдвое больше.

— ...

О цене они так и не договорились, но в конце концов Цинь Цзинь все же согласился потакать его пьяной блажи.

Ли Сяньфу перевел видеозвонок на ноутбук, водрузил его на высокий шкаф, расставил мольберт и начал размечать пропорции.

— Запрокинь голову чуть выше. И спусти рубашку пониже, до линии бедер.

Он подошел к делу со вкусом: включил какую-то ретро-песню, чтобы поймать нужное настроение. В процессе ему надоело вглядываться в экран ноутбука, и он запустил проектор.

— Отойди чуть дальше, я сначала попробую сделать набросок в стиле манги, — скомандовал Ли Сяньфу. — Повернись под углом сорок пять градусов, посмотри вверх... тоскливо так, в небо...

— Да, отлично, так и стой.

Песня на повторе прокрутилась бог знает сколько раз, пока он наконец не нанес последний штрих. Ли Сяньфу показал жест «окей»:

— А теперь давай сделаем набросок против света.

Сдвинув мольберт, он повернулся одновременно с Цинь Цзинем на экране — и в тот же миг оба они столкнулись взглядами с тремя лицами у порога.

Ли Сяньфу:

— ...

<http://bllate.org/book/18300/1757076>